

литературное
НОВОИ
обозрение

№ 63 (2003)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
Александр Дмитриев (теория)
Мария Майофис (история)
Кирилл Кобрин / Илья Кукулин (практика)
Абрам Рейтблат (библиография)
Анна Легенкина (хроника научной жизни)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)
Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)
Галина Белая (Москва)
Николай Богомолов (Москва)
Михаил Гаспаров (Москва)
Томаш Гланц (Прага)
Борис Дубин (Москва)
Виктор Живов (Москва / Беркли)
Александр Жолковский (Лос-Анджелес)
Андрей Зорин (Москва)
Александр Лавров (Петербург)
Джон Малмстад (Кембридж, Массачусетс)
Александр Основат (Москва / Лос-Анджелес)
Олег Проскурин (Москва)
Игорь Смирнов (Констанц / Мюнхен)
Роман Тименчик (Иерусалим)
Евгений Тоддес (Рига)
Александр Чудаков (Москва)
Александр Эткинд (Петербург)
Михаил Ямпольский (Нью-Йорк)

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

№ 63 (2003)

О. МАНДЕЛЬШТАМ: ПОИСКИ НОВЫХ ПОДХОДОВ

	7	Почему нужно вновь писать о Мандельштаме (<i>вместо редакторского предисловия</i>)
АЛЕН БАДЬЮ	11	Век поэтов (<i>пер. с фр. С. Фокина</i>)
БОРИС ГАСПАРОВ	24	Севооборот поэтического дыхания: Мандельштам в Воронеже, 1934–1937
АРТЕМИЙ МАГУН	39	Поэтика революционного времени: Гёльдерлин и Мандельштам
ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВ	59	«... Тем звучащим слепком формы...»: опыт Мандельштама (<i>авторизованный пер. с англ. А. Скидана</i>)
АННА ГЛАЗОВА	83	Воздушно-каменный кристалл. Целан и Мандельштам
	101	«Дивная аритмия»: Осип Мандельштам в восприятии современных поэтов (<i>подготовка материала М. Майофис, А. Дмитриева, И. Кукулина</i>)

ПРОЧТЕНИЯ

ОЛЕГ ЛЕКМАНОВ	105	О книге Владимира Нарбута «Аллилуйя» (1912)
МАРК ЛИПОВЕЦКИЙ	123	Аллегория письма: «Случаи» Д.И. Хармса (1933–1939)

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА: ГЕНЕАЛОГИЯ МИФА

БЕРА ПРОСКУРИНА	153	Миф об Астрее и русский престол

IN MEMORIAM

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ

(25 января 1928, Москва — 10 ноября 2002, Москва)

А. ЛЕБЕДЕВ	205	[Фрагменты из статей]
АНДРЕЙ ТУРКОВ,
ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР,
АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН	208	О Лебедеве и его «Чаадаеве»
ЛАРИСА ЛЕБЕДЕВА	212	Люди уходят — книги остаются
В. КАРДИН	221	Дни и книги Александра Лебедева
А. ЛЕБЕДЕВ	231	[«Русская идея». Опыт анализа
и исторических применений.
Ретроспекция и прогноз]
	237	Библиографический указатель
публикаций А.А. Лебедева
(составители А.И. Рейтблат
и Г.А. Смолицкий)

САРРА ВЛАДИМИРОВНА ЖИТОМИРСКАЯ

(10 января 1916, Черкассы — 20 декабря 2002, Москва)

ЭЛЕОНОРА ПАВЛЮЧЕНКО	242	«Сколь точным может быть
гуманитарий...»
С.В. ЖИТОМИРСКАЯ	247	Еще раз об архиве М. Булгакова
К.М. АЗАДОВСКИЙ	255	История одного письма

ФИЛОСОФИЯ КАК ЛИТЕРАТУРА

ПЕТР РЕЗВЫХ	258	Якоб Бёме: язык тела и тело языка
СЕРГЕЙ ФОКИН	272	Жиль Делёз между философией
и литературой: картография
	280	Неопубликованные материалы из
архива Ф.А. Степуна (<i>публ., вступ.
статья и коммент. Р. Бёрда</i>)

ХРОНИКА
СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДАНИЛА ДАВЫДОВ,
МАРИЯ КОШЕЛЬ,
ОЛЬГА КАРПОВА,
ЕЛЕНА ТИХОМИРОВА,
ЛЕВ УСЫСКИН,
КСЕНИЯ СТРОЕВА,
КИРИЛЛ КОВАЛЬДЖИ,
ЮЛИЯ ИДЛИС	292	Рец. на кн.: Шатров Н. <i>Неведомая лира. Избранные стихотворения и поэмы.</i> Томск; М., 2003; Юрьев Олег. <i>Новый Голем, или Война стариков и детей. Роман в пяти сатирах // Урал.</i> 2002. № 8, 9; Быков Дмитрий. <i>Опера в трех действиях.</i> М., 2003; Слуцкина Полина. <i>Путешествие во времени. Стихи.</i> М., 2002; Мильштейн А. <i>Школа кибернетики. Новеллы.</i> М., 2002; Солоух С. <i>Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева.</i> М., 2002; Буртяк С. <i>Кот. Плуто-авантюрный роман.</i> М., 2002; Полищук Р. <i>Роман-Мираж. Истории о любви и ненависти.</i> М., 2002. Полищук Р. <i>Любить хочется.</i> Екатеринбург, 2003. <i>Отчет о Первом Международном фестивале актуальной поэзии. Калининград, 15–18 августа 2003 г.</i>

БИБЛИОГРАФИЯ

Е. НЕВЗГЛЯДОВА	313	Проза есть проза (Рец. на кн.: Орлицкий Ю.Б. <i>Стих и проза в русской литературе.</i> М., 2002)
С. ЗЕНКИН	321	Дидактический материал. <i>Заметки о теории.</i> б.
ГАЛИНА ЕЛЬШЕВСКАЯ	331	«Периодическое» искусствознание: общий вид (<i>Обзор искусствоведческих журналов</i>)
Е.П. ГРЕЧАНАЯ	342	Автобиографизм русской прозы (<i>Обзор новых книг</i>)
ОКСАНА ТИМОФЕЕВА	346	Поэтическая экономия (Рец. на кн: Батай Ж. <i>Проклятая доля.</i> М., 2003)
Е. СТРОГАНОВА	350	Эпистолярный писательницы (Рец. на издание переписки Н.Д. Хвоцинской)
ВИОЛЕТТА ГУДКОВА	355	Георгий Рублев: версия дилетанта: (Рец. на кн.: Георгий Рублев: <i>Живопись. Графика.</i> М., 2002)
ИВАН SMITH	361	Современный антиквариат (<i>послание девятое</i>)

	366	Новые книги
СЕМЕН БУКЧИН	404	Пропавший архив
	413	Errata

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ВЕРА МИЛЬЧИНА	414	Французский семинар в ИВГИ
ЕКАТЕРИНА РЕШЕТНИКОВА	416	Пирровы чтения («Понятие судьбы в контексте культурных кодов», Саратовский государственный университет. 25–26 апреля 2003 г.)
ОЛЬГА БЕЛОВА	419	Славянская этнолингвистика и проблемы изучения традиционной народной культуры (Институт славяноведения РАН, Москва, 14–17 мая 2003 г.)
МИЛА ФЕДОРОВА	425	Тютчевская конференция (Университет Чикаго, США, 22–25 мая 2003 г.)
МАРИЯ ЛИТОВСКАЯ, СЕРГЕЙ УШАКИН	431	Мужественность в России (Международный семинар «Masculinities in Russia», Иллинойсский университет, Урбана-Шампейн, США, 19–23 июня 2003 г.)
	437	Письма в редакцию
	440	Summary

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВА Ф.А. СТЕПУНА

(подготовка текста, публикация, вступ. статья
и коммент. Роберта Бёрда)

ФЕДОР СТЕПУН — ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ СИМВОЛИЗМА

Русский философ Федор Августович Степун (1884—1965) известен как прощательный критик русской литературы, чьи аналитические этюды и воспоминания составляют важнейший источник для изучения эпохи Серебряного века¹. Менее известны художественные произведения Степуна: автобиографические романы «Из писем прапорщика-артиллериста»² и «Николай Переслегин»³, которые впоследствии легли в основу его обширных воспоминаний⁴, и позднейший философский рассказ «Ревность», опубликованный в год смерти автора⁵. Мало изученной остается его деятельность как режиссера в Показательном театре революции в 1918—1919⁶. Кажется, до сих пор совершенно неизвестным оставалось скромное стихотворное наследие Степуна, примеры которого представлены в настоящей публикации⁷.

Важность этих поэтических опытов заключается не столько в их художественных достоинствах, сколько в том, как они проясняют духовные и культурные истоки более известных аспектов творчества Степуна. Ведь Степун снискал известность в России как сторонник «строгой» и «научной» философии, представленной преимущественно русским изданием международного философского журнала «Логос», одним из основателей которого — вместе с Сергеем Гессеном — он являлся⁸. В своих воспоминаниях Степун относит себя к числу «гносеологов, методологов и критиков»:

Выученики немецких университетов, мы вернулись в Россию с горячей мечтой послужить делу русской философии. Понимая философию как верховную науку, в последнем счете единую во всех ее эпохальных и национальных разновидностях, мы, естественно, должны были попасть в оппозицию к тому доминировавшему в Москве течению мысли, которое, недолюбливая сложные отвлеченно-методологические исследования, рассматривало философию как некое сверхнаучное, главным образом религиозное исповедничество⁹.

Правда, основные философские сочинения самого Степуна мало походили на «сложные отвлеченно-методологические исследования» и представляли собой скорее свободные эссе на темы из истории философии (главным образом романтической) и эстетики (особенно театра). К тому же Степун писал положительные рецензии на такие «сверхнаучные» книги, как «По звездам» Вяч. Иванова (Логос. 1910. № 1); в 1912 г. он также печатался в органе «мистического» символизма «Труды и дни»¹⁰. При этом имя Степуна продолжало ассоциироваться именно с неокантианским и гуссерлианским крылом русской философии, а отсутствие строго философских работ у Степуна критики были склонны относить к факторам более или менее случайным, а не к самому характеру его мышления¹¹.

Ранние стихи Степуна, присланные в редакцию журнала «Весы» в 1907 г. (то есть за два года до начала его деятельности на философском поприще) и впервые публикуемые здесь, позволяют заключить, что их автор был очень близок именно к лагерю символистов. По стилю стихи Степуна напоминают лирику Бальмонта: музыкальной теме первых двух стихотворений («Мэнзэт», «2-ой Ноктюрн Шопэна»¹²) соответствуют подчеркнутая «напевность» стиха, повторяющиеся женские и дактилические рифмы и импрессионизм лирического сюжета. Доминируют образы, характерные для символизма как между-

народного направления в искусстве: часы, вместо механического тикания исполняющие старинную музыку и намекающие на вечность; интерьер XVIII века, располагающий к легкому и эстетичному гедонизму; gobelены, занавешивающие интимные покои и обещающие разоблачение тайны. В «Chant d'automne» («Осенняя песня») Степун использует излюбленный символистами размер: чередующиеся пятистопные и двустопные ямбические строки, как бы обрывающиеся на полуслове. Впечатление незаконченности усугубляется щедрым использованием многоточий. В «Chant d'automne» и «Мэнэуэте» последние строки повторяют первые с небольшими изменениями, таким образом, циклическая структура стихотворения выражает возможность выйти из оков времени и достигнуть состояния вечного покоя. Во втором письме в редакцию брюсовских «Весов» начинающий поэт подтверждает, что его симпатии всецело отданы этому изданию, так что печатать свои стихи в другом журнале было бы для него «очень неприятно». В общем, казалось бы, налицо эпигон декадентствующего символизма, который не заслуживал бы внимания, если бы он не стал впоследствии одним из ярких теоретиков, а потом и историков русского модернизма.

Публикуемые тексты подчеркивают модернистский контекст всего творчества Степуна, далекого от критической философии, но зато чуткого ко всем веяниям русской культуры в начале XX века. Не случайно само название его воспоминаний навеяно строкой из стихотворения Вяч. Иванова «Дверь» (в сборниках «Эрос» и «Сог ardens»): «Забудь, / Что зачалось, и быть могло, / Но стать не возмогло». Степун часто цитировал эту строчку вместе с началом ивановских «Деревьев»:

Ты, Память, Муз родившая, свята,
Бессмертия залог, венец сознания,
Нетленного в истлевшем красота!
Тебя зову, — но не Воспомянья.

В разделе I печатаются ранние стихи Степуна с сопровождающими их письмами в редакцию «Весов»¹³. Первое письмо отправлено в Москву из Гейдельберга, где Степун учился с 1903 по 1909 год¹⁴. Второе письмо написано в Москве, вероятно, во время университетских каникул¹⁵.

В разделе II печатаются два немецкоязычных стихотворения, написанных Степуном в 1930-е годы. Машинопись с авторской правкой (один экземпляр «Neschwitz» и два экземпляра «Übigauer Elegie» с незначительными разночтениями) хранится в его личном архиве в Йельском университете¹⁶.

В разделе III впервые публикуется философский автореферат Степуна¹⁷, также хранящийся в его архиве в Йеле. Здесь Степун наиболее ясно, на наш взгляд, определяет собственную философскую позицию в контексте существовавших в то время философских группировок, причем признает свою принадлежность к группе неокантианцев «насильнической». В то же время Степун продолжает относить незаконченность своей философской системы к факторам случайного порядка.

Тексты писем и автобиография Степуна печатаются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, при публикации стихотворений сохранены наиболее характерные особенности авторского написания.

Пользуюсь случаем поблагодарить сотрудников Рукописного отдела Пушкинского дома, К.В. Зенкина и Вольфганга Мюллера (Дикинсон-колледж, США) за помощь в подготовке настоящей публикации.

I

Гейдельберг 12-го III <1907 г.>¹⁸

В редакцию журнала «Весы»

С настоящим письмом пересылаю три моих стихотворения, по стилю более других подходящие к стилю журнала «Весы».

Если уважаемая редакция и не сочтет возможным напечатать стихотворения, то очень просил бы дать мне во всяком случае, какой-бы то ни было, ответ.

Ф. Степун¹⁹

Heidelberg. Gaisbergstr. 79²⁰.

Мэнуэт

Каждый день часы старинные —
В зале мэнуэт играют,
И аккорды клавесинные
Средь портретов предков тают...
Под аккорды клавесинные —
В кресле бабушка мечтает
И роброны кринолинные
С нежной грустью вспоминает;
Пируэты мэнуэтные
В своей памяти слагает,
И под звуки бледноцветные
Мирно в кресле засыпает...
Спит... а в рамах позолоченных
Предки чопорно кивают,
И на каблугках <так! — Р.Б.> отточенных —
Церемонно присядают;
На столах фигурки ценные
Мерно головы склоняют,
И узоры гобэленные —
В пышных красках расцветают.
А часы «Empire» — старинные —
В зале мэнуэт играют,
И аккорды клавесинные
Средь портретов предков тают!..

2-ой Ноктюен Шопэна

В той комнате две свечи зажжены,
Листают ноты трепетные руки...
...Затихло все... и вдруг родились звуки
Тоски мечтательной и горечи полны...

Твоя рука, как в чарой сказке ткет —
— Ворс божественный стоцветного гоблэна;
Мерцают свечи... и с тоской поет
Виолончель — 2-ой Ноктюен Шопэна.

Chant d'automne

Унылый день тоскливо умирает,
С утра дождит...
Камин в углу, — то будто угасает,
То вновь горит...
 Осенний ветер за окном рыдает...
 Дождь моросит...
 Фонарь на улице, то будто потухает,
 То вновь горит.
Ты в подутье мне Chant d'automne играешь.
С большой тоской;
И мысли серыя, как тучи навеваешь
Своей игрой!..
 Осенний день тоскливо умирает
 Камин погас...
 В унылой комнате аккорд дрожит и... тает.
 ...«Который час?»
.....
«Не знаю... все равно» — и голос твой рыдает.
В слезах дрожит...
Осенний день тоскливо умирает,
С утра дождит...

Ф. Степпун

<2>

Москва 7го Января 08 г.

Многоуважаемый Сергей Александрович ²¹,

Зимой я послал Вам из Гейдельберга 5 моих стихотворений ²² с просьбой напечатать их в Вашем уважаемом журнале. Так как я верно не знаю, дошло ли до Вас мое письмо, то я и не знаю — является ли ненапечатание моих стихотворений их безусловным отклонением, и потому и прошу Вас или назначить мне время и место, где я бы мог увидеть Вас и переговорить по этому поводу, или же сообщить мне, если это Вас не затруднит, письменно, какого мнения Вы о присланных вещах и считаете ли Вы возможным напечатать их в «Весах».

Я просил бы дать мне ответ не в слишком продолжительном времени, так как я имею возможность напечатать мои стихотворения в другом журнале, что, говоря откровенно, мне было бы все же, относительно, очень неприятно.

Готовый к услугам
Ф. Степпун

Мой адрес.

Цветной бульвар.

д. Воронцов<a> О. Г. кв. 25

PS. Я написал, что стихотворения отосланы зимою. Насколько вспоминая теперь, они отосланы лишь летом в Июне или Июле месяце.

II²³

Neschwitz 4.7–7.8.1938²⁴

Ich seh drei Störche-blutbefleckt
Sie frassen ganze Rinder
Nun glaub ich nicht – welch Schlusseffekt
Sie frässen keine Kinder.

Trotzdem ich selber wie ein Kind
Erweck! ich Mordextasen
Die Federn-Baby's fangen Wind,
Er pickt, als ob er mich «Abnickt»
Im Nu werd ich «verblasen»

Ich kam hierher als armer Tropf
Als öder Grosstadtspiesser.
Stolz trag ich heim den grauen Kopf,
Ich weiss was heisst «Knopfspiesser»!

Ein Ekel ist ein Blatt vor'm Mund:
Gerede wie auf Platten.
Doch sieh – in Neschwitz ward mir kund
Man kann mit Anstand «blatten»

Die Böcke kamen aus dem Wald,
Die Jäger konsultieren.
Man will den schlechten Wildbestand
Durch Liebestod sanieren.

Die Böcke fügen sich dem Plan,
Sie warten lange Stunden.
Ein jeder Bock ist ein Tristan,
Der unter'm Stern des «Grossen Pan»
Das Leben überwunden.

Übigauer Elegie 25.7–25.8.1935²⁵

Nun hilft mir alles nichts – ich muß zur Leier greifen
Zu singen ziemt es mir das stille Übigau.
Ich kann nicht noch einmal in die «Kulisse» kneifen
Philisterkrähe nur – werd ich zum Dichterpfauf.

Mein liebes Deutsch macht manches mir zu schaffen
Das Redenkönnen hilft dem Reimen nicht
Als Dichter fühle ich nur zu sehr in mir den Affen
Nachäffen will ich hier ein lyrisches Gedicht.

Doch ist es wohl genug des Zögerns und des Bangens
Nicht auf Groß-Künstlertum kommt es uns beiden an
Nur auf die Sitte des gereimten Dankens
Für alles, was uns hier so süß und wohl getan.

Das Tiefste sagten stets die Samstag-abend-Stunden
Gefegt der weite Hof, Besorgt das liebe Vieh.
Ein kleines Kind am Teich springt ein Ballet mit Hunden
Man merkt ihm Freude an und Dichterphantasie.

Ich gehe in den Stall – der Kindheit Fernen steigen
Ich höre stundenlang die müden Pferde kaun
Ich sehe sie zum Klee die schweren Köpfe neigen
Und hör in ihrem Kaun ein wundersam Geraun.

Wir wandern still ums Haus: Saretschhe, Luga, Holscha,
Die Namen klingen traut, die Ebenen grüßen weit.
Ich sehe uns im Zug: Der Zug pfeift schon in «Orscha»
Mein Zug der immer pfeift: Heimweh-Wehseligkeit.

Wir sitzen still am Tisch. Vor uns stehn Brot und Hönig
Im Himmel steigt der Mond. Natascha liebt ihn nicht.
Doch ich verteid'ge fest: «Er macht so ungewöhnlich
Das Altbekannt mir, der bleichgesichtge Wicht.»

So ranken sich in mir romantische Gedanken
Doch scherzhaft lob ich mir den «himmlischen Pierrot»
In heil'ger Nüchternheit halt ich mich fest in Schranken.
Und mein Pierrot ist längst Nataschas Pikkolo.

Der Sonntag ruht im Glanz. Die Straße jagt ein Wagen
Es tutet leiz von Fern. Es tutet laut im Hof
Zwei Falken auf dem Arm, umwent von alten Sagen
Erscheint zur Vesper Kurz Arnold von Vietinghoff.

Die Vögel schauen stolz, wie Sphinx majestätlich
In ihren Adern singt freiherrschafliches Blut
Doch merken sie es nicht, wie willkürlich ästhetisch
Freiherr von Vietinghoff mit ihrem Blute tut.

Hier steigen mir zu Kopf gar peinliche Probleme.
Die Elegie tendiert zum fabulösen Schluß.
Es ließe fragen sich: «Sind Falken nicht Embleme?
Ist frei der Freiherr noch? Ist Herrschen noch Genuß?»

Doch lassen wir auf sich den Fragehunger ruhn
In Gottes Schweigen ruht seit je der Antwort Brot.
Vertrauen wir auf Ihn in unserem Sein und Tun.
Das tut uns sicher gut, das hilft uns aus der Not.

Ich konnte nicht umhin, als Prediger zu schließen
Mein Dichtermut ist jung – mein Pfaffenblut sehr alt.
Doch bau ich fest darauf, daß niemand wird verschweben
«Erbmassentheorie in Elegiegestalt».

Fedor Stepun

III

<Автореферат Ф.А. Степуна>²⁶

Родился в Москве в 1884 году. Трех лет уехал в деревню, где вплоть до поступления в Московское реальное училище безвыездно жил широкою русскою помещичьей жизнью, что не осталось без влияния на мой образ мысли. По окончании реального училища уехал изучать философию в Гейдельберг. При записи в университет дал подписку, что через несколько семестров предьявлю свидетельство о сдаче экзамена по древним языкам.

Спешить с окончанием университета не было необходимости, потому я кроме философии слушал еще и лекции по истории, государственному праву, политической экономии, истории искусств и литературе. Интересовали меня также богословие и психиатрия.

В 1910 году я защитил докторскую диссертацию на тему «Философия истории Владимира Соловьева»²⁷.

От философии, изучать которую я приехал в Германию, на 19 году своей жизни, я ожидал разрешения двух весьма важных для меня вопросов: 1) как брак может быть таинством, если чувственная страсть считается грехом, и 2) допустим ли террор в политической борьбе.

Оба вопроса были сразу же отодвинуты на задний план духом господствовавшей тогда в Германии критической философии. Не без инстинктивного протеста я был почти насильнически вовлечен в круг методологических вопросов неокантианства. В последовавшие годы к влиянию Канта присоединилось сильное влияние феноменологии Гуссерля.

Вся моя дальнейшая жизнь ученого и писателя является, однако, доказательством того, что вопросы, с которыми я приехал в Гейдельберг, не погасли во мне. Разрешению первого вопроса посвящен мой философский роман «Николай Переслегин», написанный под явным влиянием «софиологии» Владимира Соловьева. Рано возникший во мне интерес не столько к практической политике, сколько к этике общественной жизни принудил меня в революционные дни активно вмешаться в политические события²⁸. Теоретическим сознанием этой моей деятельности являются мои «Мысли о России» (500 страниц), напечатанные в «Современных Записках»²⁹, и мои статьи в «Новом Граде», а также моя немецкая книга «Das Antlitz Rußlands und das Gesicht der Revolution», вышедшая также и на английском языке³⁰. Отделять свои статьи не только от <1 нрзб.> немецкого социологического исследования, но и от моей теоретической философии я не могу; считаю мою публицистику конкретизацией и популяризацией своей философии.

Первые напечатанные мною философские статьи представляют собою переработку моих семинарских рефератов; одна из них — «Трагедия творчества»³¹ — посвящена немецкому романтику Фридриху Шлегелю, вторая — «Трагедия мистического сознания» — Р.М. Рильке³². В обеих статьях чувствуется сильное влияние немецкого романтизма и мистики. Занятия в последние университетские годы Платином, Эккехардтом и поздним Шеллингом пробудили во мне интерес к Владимиру Соловьеву, ранним славянофилам и подготовили мою встречу с русскими религиозными философами (Бердяев, Булгаков), а затем и с теоретиками символизма (Вячеслав Иванов, Андрей Белый). Внешнею рамкою этого сближения было

редактирование мною в числе других международного философского журнала «Логос», выходящего на русском, немецком и итальянском языках, в котором и были напечатаны вышеупомянутые статьи, и сотрудничество в издательстве символистов «Мусагет».

Большая программная статья «Жизнь и творчество», напечатанная только по-русски в русском издании «Логоса»³³, представляет собою попытку некоего синтеза исконных импульсов моей философии и воспринятых мною философских влияний. Думаю, что четыре главы этой статьи были бы, если бы война и революция не помешали осуществлению академической карьеры в России, переработаны мною в четыре тома философской системы.

В первой части я полемизирую против распространенного в России, прежде всего в русской религиозной философии, неверного мнения, будто бы Кант своею гносеологией отрезал все пути к постижению абсолютного. Доказывая, что кантовская критика чистого разума протестует лишь против рационалистической метафизики, я расчищал себе подступы к тому типу философствования, который некогда называли философией жизни, а ныне именуется экзистенциализмом.

Во второй главе я исхожу из положения, что решительно все содержания сознания обретаются нами на путях переживания. Описывая затем переживания вне их связи с переживаемым, я различаю два основных типа: переживания, в которых переживающий субъект ощущает себя противостоящим некому объекту; и переживания, в которых переживающий субъект до конца сливается с переживаемым им объектом.

Настаивая на том, что никакие переживания не могут быть поняты в строго научном смысле этого слова, я одновременно утверждаю возможность символического ознаменования (термин, заимствованный у Вячеслава Иванова)³⁴ переживаний логическими понятиями. Понятие, ознаменовывающее раздвоенные переживания, я именую творческим, понятие, ознаменовывающее целостное переживание, — жизнью.

Подтвердив в третьей главе данное мною феноменологическое описание жизни свидетельствами великих мистиков, я перехожу к научному анализу понятий творчества и различаю в нем два пласта или две сферы. Сферу объективированной культуры, в которую входят философия, наука, все виды искусства, а также и государственно-общественные учреждения, и лежащую как бы под ней сферу жизнетворчества, основными формами которой являются личность, судьба и любовь. В отличие от господствующего мнения, будто бы категория объективности присуща только миру культуры, я утверждаю ее применимость и к сфере жизни, весьма отличной от сферы только субъективных переживаний. Высшею формою жизни в моем построении является любовь, осуществляющая ту встречаемость между людьми, которая невозможна между их произведениями.

В последней главе, озаглавленной «Миросозерцательное истолкование жизни и творчества», переживания целостной жизни определяются мною как переживания религиозные, как переживания Бога живого. С этой высшей точки зрения сфера творчества понимается мною, с одной стороны, как отпадение от Бога, с другой же, как живая тоска по Нем. «Лишь исквозив все свое творчество последнюю религиозную тоскою, может человек оправдать творческий подвиг свой... Религиозная правда всякого создания человеческого духа заключается, таким образом, не в том, что он утверждает, будто бы овладел Богом, а лишь в том, что он видит и знает, что в созданном им произведении Бога нет, а есть только тоска по Нем»³⁵.

Таковы уже в 27 лет сформулированные мною основные положения моей философии, живые следы которой можно с легкостью вскрыть во всех моих работах, не исключая и недавно вышедшей моей книги «Theater und Film»³⁶.

В заключение имею только еще прибавить, что высланный из России в 1922 году, я в 1926 был приглашен на кафедру социологии в Дрезденское высшее техническое училище, а в 1945 занял специально для меня созданную кафедру по истории русской культуры³⁷.

- 1 См., в частности: *Степун Ф.А.* Встречи. Мюнхен, 1962; *Stepun Fedor.* Mystische Weltschau: fünf Gestalten des russischen Symbolismus. München, 1964.
- 2 Северные записки. 1916. № 7–9. Первое отдельное издание — 1918.
- 3 Современные записки. 1923. Кн. 14, 15, 17; 1924. Кн. 20, 21, 22; 1925. Кн. 25; первое отдельное издание — 1929.
- 4 В своих романах Степун в основном описывает события собственной жизни, лишь изменив имена; в воспоминаниях же приведены или подлинные имена, или другие псевдонимы. В первом русском издании воспоминаний Степун был вынужден сделать многочисленные сокращения, которые и сохраняются во всех последующих изданиях (мы пользуемся последним: *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. СПб.; М., 1995); исправленная машинопись полного русского текста воспоминаний Степуна хранится в: Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University (New Haven, USA). Gen MSS 172. Box 47. Fld. 1460–1463.
- 5 Новый журнал. 1965. № 79. С. 25–40. Рукопись рассказа и машинописный текст немецкого перевода хранятся в: Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University (New Haven, USA). Gen MSS 172. Box 55. Fld. 1680–1683.
- 6 Об этом см. единственную на сей день биографию Степуна, уникальный источник информации о его жизни и творчестве: *Hufen Christian.* Fedor Stepun: Ein politischer Intellektueller aus Rußland in Europa. Die Jahre 1884–1945. Berlin, 2001.
- 7 Исключением являются переводы с немецкого на русский и с русского на немецкий, разбросанные по критическим статьям Степуна.
- 8 Об истории русского издания журнала «Логос» см.: *Безродный М.* Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица. Биографический альманах. Вып. 1. СПб., 1992. С. 372–407.
- 9 *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. С. 219, 217.
- 10 Рецензия опубликована в: Логос. 1910. № 1. Об амбивалентных взаимоотношениях Степуна с символистами и о роли Степуна в издательстве «Мусагет» см.: Бывшее и несбывшееся. С. 210–226; *Безродный М.* Из истории русского неокантианства. С. 385–393; *Bird Robert.* Vjačeslav Ivanov in Beinecke Rare Book and Manuscript Library // Studia Slavica. 41 (1995). P. 312–314.
- 11 См., например: *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1994. С. 340–342, 346 (Степун как «сторонник трансцендентально-логического идеализма»); *Зеньковский В.В.* История русской философии. Л., 1991. Т. 2. Кн. 1. С. 252–253 («его единственная книга, посвященная философии <...> свидетельствует о тонкости мысли, живом философском пафосе, — но его высказывания слишком коротки, чтобы составить определенное суждение о его взглядах»); *Малахов В.* Степун (Степпун) Федор Августович // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 490–492 («“Систематические” построения Степуна (к которым он, впрочем, после 1923 г. не возвращается) уязвимы для критики»). Философские работы Степуна подверглись жестокой, но во многом справедливой критике при их перепечатке в журнале «Логос» (1993. № 4. С. 267–273). Ср. также автореферат Степуна (ок. 1953 г.), опубликованный в разделе III.

- 12 Тема стихотворения «2-ой Ноктюрн Шопэна» могла быть навеяна стихотворением Германа Гессе «Nocturne» («Chopins Nocturne Es-dur. Der Bogen»), которое Степун мог знать в немецком оригинале или в русском переводе Л. Иванова (Вестник иностранной литературы. 1905. № 2. С. 117–118). Оба названия произведения Шопена («2-ой ноктюрн» и «Ноктюрн Es-dur») относятся к одному и тому же произведению (opus 9/2, 1830–1831) для фортепиано. Согласно любезному сообщению К.В. Зенкина, к 1907 г. имелось множество переложений этого произведения для разных инструментов (у Степуна его исполняет виолончель).
- 13 Письма и стихи Степуна хранятся в фонде С.А. Полякова в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский дом): Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 167. Л. 1–4 (письмо от 12.III.1907 с приложенными стихами). Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 1–2 (письмо от 7.I.1908).
- 14 Об учебе и жизни Степуна в Гейдельберге (а также и о многих иных связях между Степуном и немецкими интеллектуалами) см.: *Treiber Hubert. Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903–1955). Über Freundschafts- und Spätbürgertreffen in einer deutschen Kleinstadt // Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Zur Topographie der «geistigen Geselligkeit» eines «Weltdorfes». 1850–1950. Heidelberg, 1991. S. 70–118.*
- 15 Точную хронологию событий, описанных в «Бывшем и несбывшемся», крайне трудно установить, но, скорее всего, периоду, охваченному датами двух писем, посвящены с. 126–131 цит. соч.
- 16 Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University (New Haven, USA). Gen MSS 172. Box 54. Fld. 1647.
- 17 Исправленная машинопись; Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University. Gen MSS 172. Box 54. Fld. 1647.
- 18 Год установлен предположительно по второму письму.
- 19 Степун изменил написание своей фамилии в первые послереволюционные годы; в эмиграции он сменил прежнее немецкое написание «Steppuhn» на соответствующее русскому «Stepun». Родители назвали сына Фридрихом, и это имя значится еще на немецкой диссертации Степуна (*Steppuhn Friedrich. Wladimir Ssolowjew. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der hohen philosophischen Fakultät der Rupprecht-Karls-Universität zu Heidelberg. Leipzig, 1910*). Русификация имени была обозначена как одна из причин отстранения Степуна от преподавательской должности в Дрезденском техническом училище в мае 1937 г. (Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University (New Haven, USA). Gen MSS 172. Box 68. Fld. 2079; письмо опубликовано в: *Treiber H. Op. cit. S. 97–98*). Ср. также: *Hufen Ch. Fedor Stepun. S. 694–698.*
- 20 Об адресах Степуна в Гейдельберге см.: *Treiber Hubert. Fedor Steppuhn in Heidelberg. S. 74.*
- 21 Сергей Александрович Поляков, издатель «Весов».
- 22 В фонде С.А. Полякова обнаружено только три стихотворения; возможно, что это ошибка памяти, так же как и неточные указания Степуна на дату отсылки первого письма.
- 23 Neschwitz – родовое имение друга Степуна, барона Арнольда фон Фитингоф-Риш (Professor Dr. Arnold Freiherr von Vietinghoff-Riesch, 1895–1962), естествоиспытателя, орнитолога, писателя, после войны профессора Гёттингенского университета; см.: *Vietinghoff-Riesch Arnold. Letzter Herr auf Neschwitz, ein Junker ohne Reue. Limburg, 1958* (о Степуне см. S. 66, 206–211); *Hasel K. Arnold, Frh. v. Vietinghoff-Riesch. Letzter Herr auf Neschwitz // Forst und Holz. N. 23. 1991. S. 668–671*. См. также обширную переписку Степуна с Фитингофом и его женой Эдитой, охватывающую период с 1944 по 1960 г., в: Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University (New Haven, USA). Gen MSS 172. Box 36. Fld. 1232–1234 (1940–1960). Übigau – село близ Нешвица в Саксонии (недалеко от Дрездена). Названия русских местностей в стихотворении «Übigauer Elegie», скорее всего, навеяны похожими названиями местностей близ Нешви-

ца, а именно Saritsch, Loga, Horscha. См.: Handbuch der historischen Stätten Deutschlands. Achter Band: Sachsen. / Hrsg. von Dr. Walter Schlesinger. Stuttgart, 1965. S. 244, 349.

- 24 Мы не даем перевод стихотворения «Нешвиц», поскольку, вероятно, машинопись его искажена, а текст построен на немецких каламбурах. По этим же соображениям мы не стремились приблизить орфографию и знаки препинания к общепринятым нормам.

25

Юбигауская элегия

Теперь мне ничто не поможет, я должен взяться за лиру,
Мне следует воспеть тихий Юбигау.
Я больше не могу бежать за «кулисы».
Хоть я сейчас и филистерский ворон, я буду поэтическим павлином.

Мой любимый немецкий язык позволяет мне творить.
Дар речи не помогает рифмовать.
Как поэт я чувствую слишком сильно в себе обезьяну.
Я здесь буду имитировать лирические стихи.

Но хватит теперь колебаться и бояться.
Для нас это не дело великого искусства.
Только из традиции рифмованного благодарения
За все, что здесь нам так мило и охотно сделали.

Здесь в часы субботних вечеров всегда говорили глубочайшие вещи.
Вымели далекий двор, накормили милый скот.
Маленькое дитя в пруду танцует балет с собаками.
Можно заметить радость и поэтическую фантазию.

Иду в конюшню — дали детства возникают.
Я долго слушаю, как усталые лошади жуют.
Я вижу, как их головы склоняются к клеверу,
И слышу в их жевании чудесный шепот.

Мы тихо бредем домой: Заречье, Луга, Холша <?>.
Названия звучат грустно, степь приветствует.
Я вижу нас в поезде: поезд скоро прибудет в «Оршу».
Мой поезд вечно прибывает: тоска по дому и горестное блаженство.

Сидим мы тихо за столом. Пред нами хлеб и мед.
В небе восходит месяц. Наташа его не любит.
Но я его защищаю: «Он делает таким необыкновенным
То, что я знаю давно, бледноликий шалун».

Так растут во мне романтические раздумья.
Шутливо хвалю я себе «небесного Пьеро».
В священной трезвости я сдерживаю себя.
И мой Пьеро давно Пикколо для Наташи.

Воскресенье покоится в блеске. Улица бежит за машиной.
Гудит тихо издалека. Гудит громко во дворе.
Два сокола на руке, подобно как в древних сагах.
К вечеру ненадолго появляется Арнольд фон Фитингоф.

Птицы выглядят гордо, величественно, как сфинксы.
В их жилах поет благородная кровь.
Но они не замечают, как своевольно эстетически
Барон фон Фитингоф обращается с их кровью.

Тут возникают в голове очень сложные проблемы.
Эта элегия склоняется к сказочному исходу.

Можно задаться вопросом: «Не символы ли эти соколы?
Волен ли барон еще? Приятно ли ему еще владеть?»

Но мы должны подавить желание задавать вопросы.
Суть ответа покоится в Божьем молчании.
Мы доверяем ему в жизни и в делах,
Что, верно, полезно для нас, избавляет нас от нужды.

Я не мог заключить иначе как пророк.
Мое желание писать еще молодо, моя поповская кровь очень стара.
Но строю я на том, чтобы никто не мог осмеять
«Теорию генотипа в образе элегии».

- 26 Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University (New Haven, USA). Gen MSS 172. Vox 58. Fld. 1782. Датируется по содержанию приблизительно 1953 г.
- 27 См. примеч. 15.
- 28 В 1917 г. Степун служил товарищем военного министра Б. Савинкова, редактировал газету «Армия и флот свободной России».
- 29 Статьи под названием «Мысли о России» были опубликованы в следующих номерах «Современных записок»: 1923. Кн. 14, 15, 17; 1924. Кн. 19, 21; 1925. Кн. 23; 1926. Кн. 28; 1927. Кн. 32, 33; 1928. Кн. 35.
- 30 *Stepun Fedor. Das Antlitz Rußlands und das Gesicht der Revolution. Bern; Leipzig, 1934; The Russian Soul and Revolution / Trans. Erminie Huntress. L., 1936.*
- 31 *Степун Ф.А. Трагедия творчества: (Фридрих Шлегель) // Логос. Кн. 1. 1910. С. 171—196. Вошла в состав книги: Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Берлин, 1923.*
- 32 *Степун Ф.А. Трагедия мистического сознания: (Опыт феноменологической характеристики) // Логос. Кн. 2/3. 1911/1912. С. 115—140. Вошла в состав книги Степуна «Жизнь и творчество».*
- 33 *Степун Ф.А. Жизнь и творчество // Логос. Кн. 3/4. 1913. С. 72—126. Вошла в состав книги Степуна «Жизнь и творчество».*
- 34 Ср. статью Иванова «Две стихии в современном символизме» (1908 г.) в кн.: *Иванов В.И. Собр. соч. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 537—561.*
- 35 Ср.: Логос. Кн. 3/4. 1913. С. 126; *Степун Ф.А. Жизнь и творчество. С. 208.*
- 36 *Stepun Fedor. Theater und Film. München, 1953.*
- 37 Последний абзац написан карандашом на обороте последнего листа.